

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 7
volume 7**

Центр
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
1995

Абу-л-Фадл Ахмед ибн ал-Хусейн ал-Хамадани и его макамы

А. А. Долинина

(Санкт-Петербургский Государственный университет)

Макама (букв.: место стоянки) — старинное арабское слово, оно встречается уже в древней (доисламской) поэзии в значении «место собрания племени». Потом оно приобретает более широкий смысл — начинает обозначать уже само собрание, а в дальнейшем и беседы, которые в этом собрании ведутся. Рассказы о стычках между племенами и о подвигах знаменитых героев скрашивали бедуинские ночевки у костра.

Обычай вечерней беседы сохранился и у той части населения, которая, с распространением ислама и арабскими завоеваниями, переходила к оседлости. Разумеется, тематика бесед постепенно расширялась, особенно с выходом арабов на мировую историческую арену и соприкосновением их с культурными достижениями других народов.

В средневековых арабских хрониках мы уже не раз встречаем термин *макама* в применении к беседам, которые вели халифы со своими приближенными, а поскольку их участники были, как правило, людьми весьма образованными, то беседы состояли не только в рассказывании занимательных историй, но и в дискуссиях на богословские, моральные и филологические темы¹. Знания, красноречие, остроумие, находчивость были в большой чести при дворе, и люди немущие, но образованные могли благодаря этим качествам снискивать себе пропитание и у «повелителя правоверных», и у подражавших ему мелких феодальных владык.

Впервые термин *макама* для обозначения определенного жанра письменной литературы был применен Абу-л-Фадлем Ахмедом ибн ал-Хусейном ал-Хамадани (967—1008), прозванным «Бади' аз-Заман» («Чудо времени»). Получив хорошее филологическое образование в родном городе, он еще юношей покинул Хамадан и служил при дворах многих мусульманских правителей восточной части халифата — в Исфахане, Рее, Нишапуре, Сиджистане, в Газне и Герате, где и окончил свою жизнь. Бади' аз-Заман известен как поэт, автор сборника посланий, написанных изысканным стилем, и сборника небольших произведений, которые он назвал *макамами*. Эти произведения отвечали всем требованиям литературы высокого стиля, что имело для признания нового жанра немаловажное значение.

Искусством строить речь арабы гордились с древнейших времен, а в эпоху расцвета арабской средневековой культуры (VIII—XII вв.), тя-

готовшей, не без влияния эллинистической философии, к рационалистическим принципам, это искусство приобретает особое значение. Именно речь, по мнению средневековых арабских философов, будучи выражением разума, в первую очередь способствует формированию человеческого общества на рациональных основах. Это представление оказало свое воздействие на арабскую книжную литературу, стиль которой, оттачиваясь веками, становился все более изысканным, подчинялся требованиям гармоничности организации фразы, правильного выбора слов для высоких и низких жанров, насыщался тропами и разнообразными звуковыми украшениями.

Ал-Хамадани вводил в свои *макамы* большие куски рифмованной ритмизованной прозы (*садж'*), любимой арабами с незапамятных времен, и стихи, вкладывая их в уста главного героя. При этом каждая строка *макам* была насыщена метафорами, параллелизмами, сравнениями, гиперболоми, не всегда с первого взгляда понятными намеками и иносказаниями, пословицами, афоризмами, литературными и кораническими цитатами.

Истоки *макам* Бади' аз-Замана следует искать, несомненно, в ученых и назидательных беседах образованных людей, о которых говорилось выше, — отсюда взято и само название *макама*. Но это не просто письменная фиксация бесед, какую мы порой находим в исторических хрониках, — это своего рода маленькие новеллы с вымышленными героями. Один из них — странствующий купец, любитель поэзии и ораторского искусства — присутствует в каждой из пятидесяти *макам*; от его лица и ведется рассказ, о чем свидетельствует традиционное начало: «Рассказывал Иса Ибн Хишам...»

Путешествуя из города в город (каждая история происходит в новом месте), он повсюду встречает того, кто, по сути, и является главным действующим лицом новеллы, своим красноречием снискивающим себе пропитание. В большинстве *макам* это один и тот же персонаж по имени Абу-л-Фатх ал-Искандери, то есть Александриец. Его изысканная речь в *садж'е* или в стихах, часто построенная на иносказании, или назидательная проповедь, или диалог с окружающими, в котором он поражает всех своей эрудицией, и есть кульминационный центр новеллы.

На первый взгляд могло бы показаться, что мы имеем дело просто с некой беллетризацией обычных бесед, ведущихся в кругу просвещенных людей, понимающих толк в красивом слове. Однако здесь читателя подстерегает неожиданность, а именно — социальное положение и поведение главного героя. При всей своей образованности, поэтическом и ораторском талантах, это люмпен, бродяга, ловкий плут, появляющийся всякий раз в новом обличье, и выманивает он деньги у доверчивых слушателей не только демонстрацией своих знаний, но и попрошайничеством, которому и служит его красноречие, нередко и ловким обманом, порой безобидным (см., например, Поэтическую или Финиковую *макамы*), а порой и злым, как, например, в Мосульской *макаме*, где Абу-л-Фатх берется сначала оживить мертвеца, а потом избавить деревню от засухи².

Такой главный герой, его проделки, сама сюжетная основа цикла — странствия героя в поисках пропитания — отразили характерные черты эпохи, в которую жил ал-Хамадани.

Вторая половина X века. Блестящий период расцвета Аббасидского халифата остался позади. Наступило время его политического ослабления и распада. В Багдаде распоряжались иноземные султаны, халиф сохранял авторитет лишь в делах религии. Власть на местах была неустойчивой, переходила из рук в руки. На дорогах хозяйничали разбойники, которые делали набеги даже на Багдад. Положение осложнялось бесконечными религиозными распрями. Огромный вред экономике наносили войны между феодальными властителями отдельных областей. Феллахи гибли от голода и эпидемий, многие из них покидали свои поля, нищенствовали, бродяжничали, перебираясь в поисках пропитания из города в город.

Возникло даже нечто вроде корпорации воров, нищих, бродяг, фокусников и т. п., которые называли себя «детьми Сасана»³. Они исхитрялись любыми способами выманить деньги у людей: торговали амулетами и лекарствами, предсказывали судьбу, прикидывались больными, увечными, бежавшими из плена, устраивали уличные представления. У них в ходу был свой воровской жаргон. И главный герой *макам* Бади' аз-Замана с его удивительными проделками происходил, несомненно, из «детей Сасана» — об этом прямо сказано в *макаме* № 19, которая, кстати, и название носит «Сасанская».

Так обнаруживается и другой литературный источник *макам* Бади' аз-Замана ал-Хамадани: рассказы и анекдоты о ловких плутах, которые во множестве содержатся и в различных средневековых антологиях, и в книге «Тысячи и одной ночи». В конечном счете они отражают, разумеется, реальную жизненную практику: недаром современный арабский ученый Мазин ал-Мубарак, исследуя *макамы* ал-Хамадани, замечает, что способы выманивания денег, изображенные в *макамах*, «не чужды и нашему времени, это те же способы, которые используют современные арабские нищие, словно они передаются из поколения в поколение»⁴.

Рассказы о плутах и бродягах вызывали интерес не только у простонародья, но и у людей ученых⁵, котировались и в придворных кругах. Так, бувейхидский вазир ас-Сахиб ибн Аббад, при дворе которого в г. Рее подвизался Бади' аз-Заман, будучи сам литератором и тонким стилистом, очень любил подобного рода истории и превосходно знал воровской жаргон⁶. Возможно, именно в угоду своему патрону ал-Хамадани и попытался соединить, казалось бы, несоединимое: изысканную ученую беседу с авантюрным сюжетом, вложив стилистически утонченные и вполне благонравные речи в уста легкомысленного и безнравственного обманщика. И если со стороны языка и стиля в *макаме* все обстояло благополучно (иначе говоря, все средства выражения разумных мыслей были налицо), то с точки зрения морально-воспитательной могли возникнуть сомнения: ведь полезные истины, вложенные в уста плута, попирающего общепринятую мораль на каждом шагу, должны были звучать двусмысленно.

Действительно, средневековые арабские критики, высоко ценившие *макамы* Бади' аз-Замана и его последователей за красоту и изящество слога, нередко порицали их авторов за снисходительное отношение к аморальному поведению героя. В самом деле, Бади' аз-Заман дает Абу-л-Фатху возможность некоторой реабилитации: Александриец оправдывает свои проделки порочностью всего мироустройства, которому волей-неволей приходится подражать, если хочешь выжить. Эту мысль герой часто повторяет в стихах, обычно заключающих *макаму* (см., например, *макамы* Поэтическую, Финиковую, Обезьянью и др.). Быть может, сам автор ощущал наличие неразрешимого противоречия между четким, рационально установленным этическим идеалом средневековья и зыбкой и «нерациональной» реальностью⁷.

Между современными арабскими литературоведами порой возникает спор, кто именно был предшественником Бади' аз-Замана в попытках ввести авантюрный элемент в украшенную прозу. Но как бы то ни было, следует признать, что именно ал-Хамадани создал в арабской литературе новый жанр *ал-макамат* (мн. ч. от *макама*) — цикл плутовских новелл высокого стиля, сходных по композиции и объединенных двумя общими героями с постоянными функциями.

У ал-Хамадани были последователи не только в арабской, но и в других ближневосточных литературах, в частности — в персидской и в еврейской. Есть предположение, что *макама* повлияла и на возникновение европейской пикарескной прозы XVI—XVII вв. Среди авторов арабских *макам* особенно выделялся Абу Мухаммед ал-Касим ал-Харири (1054—1122), который придал жанру законченный вид: ярче и последовательнее, чем Бади' аз-Заман, обрисовал главного героя, усложнил сюжеты отдельных *макам*, обогатил стилистические украшения, не превращая их при этом в самоцель, а главное — сумел внести большую стройность в композицию всего цикла.

Произведения, называемые *макамами*, создавались в арабской литературе вплоть до XX в., однако история развития этого жанра показала, что созданный Бади' аз-Заманом симбиоз двух противоречащих друг другу тенденций не был прочным; подлинно блестящие образцы его могли быть созданы только такими талантами, как Бади' аз-Заман и ал-Харири. Именно благодаря этим двум авторам термин *макама* стал обозначать особый вид плутовской новеллы. Однако после этих двух классиков макамого жанра никто их уровня не достиг; их подражатели или впадали в сугубо назидательный тон, обличая плута, или стремились к еще большему украшению стиля, так что интрига отходила на второй план или исключалась вовсе. И постепенно, начиная с XII в. (*макамы* аз-Замахшари), авантюрный элемент исчезает совсем; из обязательных атрибутов *макамы* остаются лишь стремление к цикличности (и то не всегда), речь или беседа как кульминационная точка, украшенный стиль, насыщенный иносказаниями и словесной игрой, и *садж'* со стихотворными вставками. Иными словами, большинство *макам*, зафиксированных в истории арабской литературы, являются собой образцы ученой украшенной прозы, обычно с назидательным уклоном, а вовсе не плутовские новеллы. Лишь в середине XIX в. и на

рубеже XIX—XX вв. были предприняты две талантливые попытки возродить плутовскую *макаму*, но они уже не имели продолжателей.

До сих пор понятие *макама* прочно связано с именами ал-Хамадани и ал-Харири. Их творчество изучают на Востоке и на Западе, открывая в нем все новые грани; их *макамы* переводят на многие языки.

На русский язык был переведен полностью цикл *макам* ал-Харири⁸; *макамы* же основателя жанра, Бади' аз-Замана ал-Хамадани, известны русскому читателю очень мало. Существует прозаический перевод нескольких *макам*, не претендующий на передачу своеобразной формы подлинника⁹. В настоящее время готовится полный перевод цикла; при этом, как и в опубликованном ранее переводе *макам* ал-Харири, предпринимается попытка найти русские эквиваленты для арабского *садж'*а, стихотворных ритмов и необычных для русского читателя образов.

Ниже мы публикуем перевод нескольких *макам* Бади' аз-Замана.

Примечания

1. Рассказ арабского историка Абу Бекра ас-Сули (X в.) о подобного рода беседе у аббасидского принца Абдаллаха ибн ал-Мутацца см. в русском переводе И. Ю. Крачковского (Избранные сочинения, т. 6. М.—Л., 1969, с. 18—20).

2. См. сб.: Восточная новелла. М., 1963, с. 114—116.

3. Это прозвище возводят обычно к имени родоначальника 4-й династии персидских царей Сасана. Согласно народному преданию, Сасан в юности был изгнан своим отцом Бахманом, ушел в горы к курдам, где собирались бездомные бродяги, и некоторое время прожил среди них, руководя ими.

4. Мазин ал-Мубарак. Муджтама' ал-Хамадани мин халили макаматиhi (Общество ал-Хамадани по его макамам). — Маджаллат Маджма' ал-луга ал-арабийя би Димашк. 1969, т. 44, ч. 4, с. 837.

5. См., напр., «Китаб ал-Бухала» ал-Джахиза (рус. пер.: Ал-Джахиз. Книга о скупых. М., 1985, с. 54—62) или «Китаб ал-азкийя» Ибн ал-Джаузи (рус. пер. отрывков в сб.: Восходы лун на стоянках веселья. Л., 1983, с. 132—172).

6. Мец А. Мусульманский Ренессанс. М. 1966, с. 205 (со ссылкой на ас-Са'алиби. Йатимат ад-дахр, т. 3, с. 174—175).

7. Эта мысль высказывалась мною ранее по поводу *макам* ал-Харири. См.: Абу Мухаммед аль-Касим аль-Харири. Макамы. Пер. с арабск. В. М. Борисова, А. А. Долининой, В. Н. Кирпиченко. М., 1987, с. 8.

8. Абу Мухаммед аль-Касим аль-Харири. Указ. соч.

9. Перевод пяти *макам*, выполненный А. Б. Халидовым, см. в сб.: Восточная новелла, с. 114—121.

Макама первая — Поэтическая

Рассказал нам Иса ибн Хишам:

Швыряли меня далекие странствия то в одни, то в другие страны, пока не ступила моя нога в пределы Джурджана. Там я землю себе купил, остальные деньги в торговлю пустил и тем от превратностей времени себя оградил. Кое-каких друзей взял я себе в компанию, и лавка моя стала местом обычного нашего пребывания: кромки дня дома я коротал, середину же лавке своей отдавал.

Однажды сидели мы там с друзьями и вели беседу о поэзии и поэтах. А недалеко от нас, в сторонке, устроился какой-то человек: он прислушивался, словно бы все понимал, но молчал, будто ни слова об этом не знал. Когда ж разговор в сторону нас завел и спор потянул за собой слишком длинный подол, он сказал, указывая на себя:

— Вот пальмочка, гнущаяся от спелых плодов, и столбик, о который любой верблюд потереться готов¹. Коль захотите, начну свою речь я, одарю вас потоком красноречия, поведу ваши уши с водопоя на водопой, чтоб не томили их сушь и зной. Истину проясню вам с помощью слов таких, что заставят слышать глухих и пугливых козочек горных спуститься со скал крутых.

Я сказал ему:

— О достойный оратор! Подойди поближе — ты нас соблазнил. Подавай свою речь — так уж ты себя расхвалил!

Он приблизился и сказал:

— Спросите — получите обо всем мое мнение; слушайте — и вас обоймет восхищение.

Мы спросили:

— Что ты скажешь об Имруулькайсе²?

Он ответил:

— Это первый, кто следы жилья воспевал³, «когда птицы в гнездах еще»⁴, вставал и все стати коня своего описал. Ради прибыли не сочинял он стихов, ради выгоды не нанизывал слов. Превзошел он тех, кто из хитрости развязывал свой язык, и тех, кто из алчности пальцы свои на пастбище выпускать привык.

— А что ты скажешь о Набиге⁵?

— Этот крепко ругает, когда разозлится, пышно хвалит, когда к награде стремится, и просит прощенья, когда боится, а если выстрелит, то всегда попадает в цель.

— А что ты скажешь о Зухейре⁶?

— Зухейр расплавляет свои стихи, а стихи расплавляют сердце его, когда он зовет к себе слова, отвечает ему волшебство.

— А что ты скажешь про Тарафу⁷?

— И вода он стихов, и глина рифм и гора, и долина. Но рок суровый слишком рано Тарафу погубил, и двери своих сокровищниц он до конца не раскрыл.

— А что ты скажешь о Джарире⁸ и Фараздаке⁹, кому из них принадлежит пальма первенства?

— У Джарира стихи отделаны тоньше и смысла в них больше, зато стихи у Фараздака покрепче сбиты, потуже свиты, побогаче расшиты. У Джарира острее сатира, племя свое искусно он восхваляет, военные доблести его прославляет. Но у Фараздака есть над ним превосходство: племя свое восхваляя, он превозносит его благородство. Джарир, когда женщин воспевает, пламя страсти в сердцах разжигает, когда бранит — в порошок стирает, когда восславляет — превозвышает. А Фараздак бахвальством любого затмит и кого унизит, кого презрит, в описаниях же языка своего не щадит.

— А что ты скажешь о поэтах новых и старых?

— У старых поэтов слова благороднее, мысли их полноводнее, а у новых выражения изощреннее и ткань стихов утонченнее.

Мы спросили:

— Не хочешь ли нам свои стихи почитать и что-нибудь о себе рассказать?

Он сказал:

— Получите и то и другое зараз!

И продекламировал:

Ты видишь, друг, что я хожу в лохмотьях
И горечь горя от судьбы вкушаю,
Обиду на нее ношу с собою
И злые беды каждый день встречаю,
Восхода Сириуса¹⁰ жду смиренно —
Я нынче только о тепле мечтаю!
А был когда-то я богат и знатен
И в середине сиживал, не с краю!
Затмил бы я и Дария с Хосровом,
Шатры веселья всюду разбивая.

Но вот блага в несчастья превратились —
Судьба перевернулась, мной играя.
Остались мне одни воспоминанья —
Грызут они, дразня и донимая.
Увы, в Самарре¹¹ бедная старушка
И детки в Босре¹² ждут меня, рыдая.
Когда бы не они — я счеты с жизнью
Покончил бы, раскаянья не зная.

Сказал Иса ибн Хишам:

Дал я ему дирхем, что под руку подвернулся; он взял, спиною к нам повернулся и пошел, а я ему вслед смотрел — все вспомнить хотел: знаком он мне или незнаком, наконец, узнал я его с трудом и воскликнул:

— Александриец, клянусь Богом! Он покинул нас газеленком малым, а вернулся взрослым и возмужалым.

Тут я за ним побежал, догнал, за рукав удержал и сказал:

— Ты ли это, Абу-л-Фатх? Не тебя ли взрастили мы своими руками, не ты ли юность провел меж нами? Скажи-ка, что это у тебя за старушка в Самарре?

Он засмеялся в ответ и сказал:

Пойми, что время наше лживо,
Не поддавайся заблуждениям
И от судьбы не жди подарка —
Вращайся с ней ее вращением!

Макама вторая — Финиковая

Рассказал нам Иса ибн Хишам:

Случилось мне быть в Багдаде во время сбора фиников, и я решил на рынок сходить — самых лучших себе закупить. Отошел недалеко и вижу: у торговца разложено много спелых плодов, разных сортов, без счета рядов. Взял я себе из каждого ряда отборнейшие, из каждого сорта отменнейшие, скинул плащ, покупку свою сложил, концы завязал и закрепил. Вдруг вижу — прямо передо мной нищий с протянутой рукой. Его голова покрывалом обвита, а лицо концом покрывала стыдливо прикры-

то. При нем была целая куча детей: кто постарше — его за подол держал, а кто поменьше — из подмышек торчал. Отец же, выбиваясь из сил, на пропитанье просил, крича таким громким голосом, что дыбом вставали волосы:

Ах, мне бы горсти две ячменной каши
Или кусочек черствого лаваша,
Хоть капельку прокисшей простокваши,
Чтоб не текли потоком слони наши.
Ужель подошвы зря дорогу пашут?
О Боже, дай испытать достатка чашу!
Пускай завязки щедрости развяжет
Рука того, кто милость нам окажет,
И если он благой пример покажет —
О чести рода своего расскажет.
Он тот, кто нас успехом опояшет
И жизнь нам сохранит под сенью вашей!

Сказал Иса Ибн Хишам:

Я вынул из кошелька кое-что и дал ему. Он сказал:

Ты, оказавший мне благодеянье!
Храни о том стыдливое молчанье,
Лишь Господу открой свои деянья!
Тебя б я наградил без колебанья,
Но мой достаток — слезы да стенанья.
От Бога ты получишь воздаянье!

Сказал Иса ибн Хишам:

Я сказал ему, указывая на кошелек:

— Там кое-что еще осталось. Кто ты — мне откроешь, что в нем — получишь.

Он сдвинул покрывало с лица — и оказалось, клянусь Богом, что это наш шейх Абу-л-Фатх Александриец! Я сказал:

— Ну и ну! Какой же ты хитрец!

А он ответил стихами:

Всю жизнь в обмане проводи
И людям головы дурачь!
Судьба на месте не стоит,
И я несусь за нею вскачь:
То сам ей горе причиню,
То стану жертвой неудач.

Макама третья — Балхская

Рассказал нам Иса ибн Хишам:

Торговля тканями привела меня в Балх. Был я тогда молодостью ублажен, беззаботностью убогатворен, богатством украшен и считал главной своей заботой жеребенка мысли себе подчинить или самые редкостные слова в силки свои уловить, и ничья беседа и голос ничей мне тогда не казались красивей моих речей.

Когда же наша разлука с Балхом готова была натянуть свой лук, вошел к нам некий юноша — одежда его услаждала взгляд, борода окаймляла ровных жемчужин ряд, а с чистотой его взора не могли соперничать ни Тигр, ни Евфрат. Подошел он ко мне и хвалу произнес, а я в ответ еще больше его превознес. Затем он спросил:

— В путешествие собираешься?

Я ответил:

— Да, клянусь Богом.

Он сказал:

— Пусть плодородной будет земля, к которой ты стремленьем приник, и пусть в пути не заблудится твой проводник. Когда же ты отправляешься?

Я ответил:

— Завтра утром.

Он сказал:

— Пусть после разлуки утро подарит встречу, когда я сулящую счастье птицу примечу. А куда ты собираешься?

Я ответил:

— На родину.

Он отозвался:

— Да прибудешь ты благополучно на родину и будешь там пребывать в дородности. А когда ты вернешься?

Я ответил:

— На будущий год.

Он сказал:

— Пусть скорее покрывало пути твоего свернется и нитка его не оборвется. А как далеко простирается твоя щедрость?

Я ответил:

— Как ты захочешь.

Он попросил:

— Если в этом пути Бог избавит тебя от смерти и от недуга, привези мне врага в обличье доброго друга, что к роду желтых себя причисляет, к неверию призывает, танцем на пальцах забавляет, бремя долгов облегчает. Этот двуликий лицемер сияет, как солнце, хоть ничтожен его размер.

Говорит Иса ибн Хишам:

Я понял, что он имеет в виду динар, и сказал ему:

— Он будет за речи твои награжденьем, а другой получишь при моем возвращенье.

Тут юноша продекламировал:

Ты дал мне больше, чем ожидал я,
Ведь руки добрые не скупятся.
Пусть мощь твоя всюду пустит корни,
А ветви щедрости укрепятся!
Как тяжело бремя — просить подачки
И в унижении побираться!
Твои дары велики. За ними
Не могут просьбы мои угнаться.
О пусть подольше судьба и слава
Твоим содействием наслаются!

Сказал Иса ибн Хишам:

Я дал ему динар и спросил:

— Какая же почва вырастила этот превосходный талант?

Он ответил:

— Племя Курейш¹ меня вскормило и своим благородством подготовило для меня почву в напоенной влагою мекканской долине.

И тут один из присутствующих воскликнул:

— А ведь ты Абу-л-Фатх Александриец! Не тебя ли я видел на рынке в Багдаде? Помнится, ты не остался внакладе: листочки с просьбами ты раздавал и богатую дань со всех собирал.

Тогда он продекламировал:

В нашей жизни перелетной
Перемены не скудеют:
Глянь — мы с вечера арабы,
А наутро — набатеи²!

Макама четвертая — Сиджистанская

Рассказал нам Иса ибн Хишам:

Погнало меня в Сиджистан неотступное желание — заманило к себе в седло и на хребте своем понесло. Так, испросив благословенья у Бога, я пустился в дорогу, к цели стремился неуклонно и прямо, сделав разум своим имамом¹. Я добрался благополучно до городских ворот, когда солнце уже покинуло небосвод, — и мне пришлось заночевать на месте, за городской стеной.

Когда же утро свой клинок обнажило и выступило в поход войско дневного светила, я отправился на рыночную площадь, чтобы подыскать себе жилище. А когда, покинув окрестность окраин, в центре города я очутился и, обойдя ожерелье лавок, у самой крупной жемчужины остановился, в уши мои вонзился какой-то резкий голос, идущий из самого нутра. Тут я сразу устремился вперед — посмотреть, кто так громко орет. И вижу — посреди толпы верховой, повернувшись ко мне спиной, машет руками в волненье великом, захлебывается криком:

— Кто знает меня, тот знает, а кто не знает — сейчас распознает! Я тот, о ком говорит весь народ! Кто я — первый йеменский плод². Мои дела и моя повадка — и для мужчин, и для женщин загадка. Обо мне расспросите разные страны и крепости неприступные, горы с их склонами и уступами, впадины и долины, морские глубины, лошадиные спины. Кто тайны их познавал? Кто их твердынями овладевал? Кто от края до края их мог пройти и подчинить себе всё на пути?

Спроси царей, чьи владения велики, спроси их сокровища и тайники, умов ристалища, наук обиталища, войны и их превратности, беды и неприятности. Кто все богатства их захватил и цены их не заплатил? Спроси, кто их замкú открывал и кто им успех даровал? Клянусь Богом, все это сделал я!

Я мирил могущественных царей, покорял пучины бурных морей. Богом клянусь, я и любовные вел разговоры, и меня томил томные взоры, и нежные ветви я сгибал, и со щек румяных я розы срывал.

Но притом я бегу от соблазнов мира земного, как бежит благородный от человека дурного, я отгораживаюсь от позора, как возвышенный слух от постыдного разговора. И вот теперь, когда занялось утро седины и показались признаки старости, я решил обрести спасение ко Дню Воскресения — делами добрыми запастись, ибо лучше способа нет спастись!

Кто видел меня на коне верхом и слышал слова мои, льющиеся дождем, скажет: он порождение чуда! Нет, я сам родитель многих чудес, я создавал их и раздавал. Я творитель многих бесчинств, я учинял их и подчинял, я любые замки открывал, ключи к ним с трудом подбирал, зато легко их терял, дорого покупал, по дешевке сбывал. Клянусь Богом, ради своих творений я растрачивал силы, возводил стропила, крутил кормила, стерег светила. Суровый обет был мною дан: у себя не утаивать ничего из добытого для мусульман. Теперь же, состарившись, хочу узду своих праведных дел вам передать и средство спасения на вашем рынке продать. Пусть его купит тот, кто законы ислама свято блюдет. Пусть будут среди его потомков праведности радетели, и ветви его пусть напоит чистый сок добродетели.

Сказал Иса ибн Хишам:

Я повернулся так, чтобы видеть его лицо и узнать, кто он. Оказалось, клянусь Богом, что это наш шейх Абу-л-Фатх Александриец! Я подождал, пока рассеялась толпа, окружавшая его, и спросил:

— Сколько нужно отдать за это лекарство?

Он ответил:

— Сколько позволит кошелек.

Я покинул его и удалился.

Макама двадцатая — Обезьянья

Рассказывал Иса ибн Хишам:

По дороге из Мекки я заехать был рад в Город мира¹ — Багдад. По берегу Тигра иду не спеша, и приятной прогулке радуется душа. Я диковинки города обзираю: постою, полюбуюсь — и снова путь продолжаю. Вдруг вижу: толпа, все тянут

шеи вперед, хохот им разрывает рот, а мне любопытно, что сюда согнало народ?

И вот я в толпу врезаюсь, толкаюсь, вперед продираюсь — голос слышу, лица не вижу. Оказалось, там обезьянщик свою обезьянку заставил плясать, а людей — во все горло хохотать. Тут и я заплясал, словно собака цепная, кое-как продвигаясь, подскакивая и хромая, перешагивая через головы сидящих, расталкивая стоящих; чье-то плечо бросало меня вперед на чей-то живот. Наконец я пробился, куда хотел, на чью-то бороду сел, отягченный давкой и теснотой, и от стыда подавился слюной.

Когда ж обезьянщик завершил свое дело, а толпа иссякла и поредела, вскочил я, охваченный сомнением, и на него посмотрел с изумлением — Богом клянусь, это был Абу-л-Фатх Александриец!

Воскликнул я с огорчением:

— Горе тебе! Откуда такое унижение?!

А он продекламировал в ответ:

Виноват не я, а судьба моя,
Что теснит меня и гнетет меня.
Но фиглярство мне принесло доход,
И в шелках теперь щеголяю я!

Макама двадцать третья — Об амулете

Рассказывал Иса ибн Хишам:

Заехал я в Дербент, на чужбину, и не чаял, когда же его покину. Переплыть я решился бурное море на утлом суденышке, сулящем горе, чтобы с благословения Бога добраться до родного порога. Вместе с попутчиками я на корабль спустился и в опасное плаванье пустился.

Когда кораблем овладело море и спустилась ночь, накрыли нас черные тучи, веревки дождя протянулись к нам, а волны вставали подобно горам. Ветер их до самого неба вздымал и толпы туч по небу гонял. Снизу гибель несли нам потоки морские, а сверху — потоки дождевые. Только в молитве мы искали спасения, в слезах — от печали облегчения, в надежде — от гибели избавления.

Провели мы, как Набига, бессонную ночь¹, причитали и плакали, не в силах горю помочь. А наутро видим: один из нас словно себя уже от гибели спас — глаза у него сухие и ясные, веки от слез не красные, ходит он беззаботный и радостный, спокойный и благостный. Богом клянусь, мы удивились очень и спросили:

— Неужели ты гибелью не озабочен?

Он ответил:

— От потопления и прочих бед меня охраняет амулет. Стоит мне только пожелать, такой амулет я каждому мог бы дать.

Тут все его обступили сразу, надеясь, что им не будет отказу.

Он сказал нам:

— За мой товар пусть каждый выложит мне динар, а если судьба нас от смерти избавит, потом еще по динару добавит.

Говорит Иса ибн Хишам:

Сколько просил он — столько мы ему дали и столько же обещали. Тогда он вынул резную шкатулку кости слоновой, обернутую парчою лиловой, кусочки пергамента оттуда достал и всем по листочку раздал. А когда, минуя глуби и мели, добрался корабль до цели, наш спутник напомнил нам обещание и от каждого получил воздаяние.

Когда ж до меня дошел черед, я сказал:

— Дело так не пойдет! Ты не получишь от меня золотой, пока не откроешь мне, кто ты такой.

Он ответил:

— Я из Александрии.

Я спросил:

— Скажи, почему терпенье в опасности нас покинуло, а тебя не отринуло?

Тут он продекламировал:

Кабы не мое терпенье,
Не добиться мне везенья!
Малодушие — причина
Нищеты и униженья.
Мне совсем не помешало
Щедрое вознагражденье
За листочки с письменами,
Не внушавшими сомненья.
Я дела свои поправил
И упрочил положенье.
А когда б мы все погибли —
Кто спросил бы возмещенья?

Примечания

Макама первая — Поэтическая

1. Вот пальмочка, гнущаяся от спелых плодов... — то есть перед вами такой человек, к которому люди обращаются за советом в затруднительных случаях. Согласно арабскому историку ат-Табари (X в.), эти слова произнес ал-Хубаб ибн ал-Мунзыр, один из *ансаров* (мединских сподвижников пророка Мухаммеда) во время спора о власти, возникшего сразу после кончины Мухаммеда. См.: At-Tabari. Annales. Prima Series, t. 4. Lugduni Batavorum, 1890, с. 1841.

2. Имруулькайс (ок. 500—ок. 540) — самый знаменитый из доисламских поэтов. Его поэму, начинающуюся словами: «Постойте, поплачем...», относят к десяти лучшим древним касыдам (так называемым *муаллакам* — «жемчужинам»).

3. Это первый, кто следы жилья воспевал. — Касыда начинается обычно с описания покинутой бедуинской стоянки и плача поэта над ней. Традиционно считается, что такое начало ввел именно Имруулькайс.

4. Когда птицы в гнездах еще. — Цитата из муаллаки Имруулькайса.

5. Набига (ан-Набига аз-Зубйани, 535?—604?) — автор одной из муаллак, панегирист хирского князя ан-Ну'мана ибн Мунзыра (580—602).

6. Зухейр (ок. 530—627?) — автор одной из муаллак, прославился своими образными описаниями жизни в пустыне. Его произведения арабские критики считали образцом разумной умеренности и назидательности.

7. Тарафа (543?—569?) — автор одной из муаллак, знаменитой подробнейшим описанием верблюдицы.

8. Джарир (ок. 653—732) — панегирист иракского наместника аль-Хаджаджа и омейядских (дамасских) халифов; особенно прославился как мастер сатиры.

9. Фараздак (ал-Фараздак, ок. 640—732?) — панегирист омейядских халифов, вел многолетнюю перебранку в стихах с Джариром.

10. Сириус — звезда в созвездии Ориона, появляется на небе в самое жаркое время года; говоря о своем ожидании Сириуса, автор стихов намекает на то, что у него нет денег на теплую одежду.

11. Самарра (Суррамарра) — город недалеко от Багдада, любимая резиденция аббасидских халифов в IX в.

12. Босра — город в Сирии юго-западнее Дамаска.

Макама третья — Балхская

1. Племя Курейш — племя северно-арабской группы, еще до ислама обосновавшееся в Мекке. К этому племени принадлежал пророк Мухаммед.

2. Набатейми (*ан-набит*). — Так средневековые арабы называли оседлых сельских жителей, в частности, населяющих низменность аль-Батаих между Васитом и Басрой, воспринимая их как чужаков-иноплеменцев.

Макама четвертая — Сиджистанская

1. Имам — предстоятель на молитве, духовный руководитель.

2. Здесь обыгрывается одно из значений слова «Фатх», входящего в состав имени героя (Абу-л-Фатх, т. е. «Отец Фатха»). Фатх — плод растущего в Йемене дерева *наб'*; причем здесь можно усмотреть намек и на роль южных арабов в утверждении и распространении ислама, и на имя — Абу-л-Фатх — первого йеменского посла к пророку Мухаммеду. Далее в речи героя обыгрывается наиболее распространенное значение слова *фатх* — «завоевание, победа» с различными оттенками смысла.

Макама двадцатая — Обезьянья

1. Город мира (*Мадинат ас-Салам*) — одно из средневековых названий Багдада.

Макама двадцать третья — Об амулете

1. Провели мы, как Набига, бессонную ночь. — Одна из известных касыд Набиги (о нем см. примеч. 5 к первой макаме) начинается описанием долгой бессонной ночи «с медленным движением звезд»; отсюда и пошло выражение «ночь Набиги», то есть ночь бессонная, тяжкая.